

**THE THEME OF THE DECLINE OF A NOBLE FAMILY IN M. E.
SALTYKOV-SHCHEDRIN'S NOVEL "THE GOLOVLYOV
FAMILY"**

Yuldasheva Diana Bakhodirovna

4th Year Student Nizami National Pedagogical University of Uzbekistan

Scientific Supervisor:

Ischanova Dilbar Kurbanbaevna

Lecturer, Department of Russian Literature and Teaching Methodology

Abstract:

The Golovlyov Family reflects the era contemporary to the great Russian satirical writer, in which, as M. E. Saltykov-Shchedrin perceived, family ties lose their meaning and significance, human relationships collapse, and are increasingly replaced by spiritual emptiness, hypocrisy, verbosity, deceit, and baseness. The family chronicle of a decaying noble lineage leads the characters to an inevitable tragic finale, from which even a belated realization cannot save them.

Keywords: fiction, journalism, intense plot, didactic digressions, psychologism, sermon.

**Тема распада дворянской семьи в романе М.Е. Салтыкова- Щедрина
«Господа Головлевы»**

Юлдашева Диана Баходировна НПУУз имени Низами 4 курс Научный
руководитель- преподаватель кафедры

«Русская литература и методики преподавания» Исчанова Дилбар Курбанбаевна

Аннотация: Господа Головлевы - это отражение современной великому русскому писателю-сатирику эпохи, в которой, как видел М. Е. Салтыков-Щедрин, родственные узы теряют свой смысл и значение, рушатся человеческие отношения, а на смену им все чаще приходят бездуховность, лицемерие,
123

пустословие, ложь и подлость. Семейная хроника дворянского выморочного рода приводит героев к неизбежному трагическому финалу, от которого не спасает даже запоздалое прозрение.

Ключевые слова: беллетристика, публицистика, напряжённый сюжет, дидактические отступления, психологизм, проповедь.

История угасания и смерти зажиточного дворянского рода — в лице властной помещицы Арины Петровны Головлёвой, её мужа, детей и внуков. Роман о вырождении, одиночестве и насилии — прежде всего психологическом. Современники увидели в «Господах Головлёвых» беспощадное описание России накануне и после отмены крепостного права; потомки могут прочитать книгу как пугающе точный текст о дисфункциональной семье, токсичных отношениях и депрессии. Салтыков-Щедрин работал над «Головлёвыми» с осени 1875-го до весны 1880 года. Впервые главные герои будущей книги появились в рассказе «Семейный суд», опубликованном в цикле сатирических очерков «Благонамеренные речи». Автор был не слишком доволен текстом — в письме Некрасову он сокрушался: «Кажется, что неуклюж и кропотливо сделан. Свободного, лёгкого творчества нет» Салтыков-Щедрин называл «Господ Головлёвых» «общественным романом». Это жанровое определение можно трактовать двояко. С одной стороны, оно предполагает внимание к актуальным социальным проблемам и обличение современного писателю общества: «На принцип семейственности написаны мною «Головлёвы», — объяснял Салтыков-Щедрин адвокату и публицисту Евгению Утину 2 января 1881 года. С другой — эта форма позволяет писателю соединить беллетристику и публицистику, напряжённый сюжет и дидактические отступления, психологизм и проповедь.

Отмена крепостного права в 1861 году — и формирование совершенно новых экономических и психологических отношений между дворянами и крестьянами.

Полемика о кризисе семьи, которая развернулась в российской прессе и беллетристике в 1870-е годы: от статей в консервативном «Русском мире», устанавливающих прямую связь между «силой и крепостью семейного союза» и стабильностью государства, до «Анны Карениной», которая проблематизировала светский брак. Современная западная проза, посвящённая той же теме: как раз в эти годы во Франции выходит многотомная сага Эмиля Золя «Ругон-Маккары», а «Вестник Европы» публикует русский перевод его «Парижских писем», в которых писатель размышляет об экономическом расчёте, лежащем в основании современной семьи. Более ранние произведения самого Салтыкова-Щедрина: в частности, заглавная героиня очерка «Госпожа Падейкова» (1859), переживавшая, что после крестьянской реформы её крепостная Феклуша «с барыней за одним столом будет сидеть», очень напоминает Арину Головлёву, которая в канун манифеста Александра II предаётся таким же размышлениям: «Как это я Агашку звать буду? чай, Агафьюшкой... а может, Бóльшая часть рассказов, которые составили роман, была опубликована в «Отечественных записках» в 1875–1876 годах, развязка — «Решение» — в мае 1880-го в том же журнале. Готовя первое книжное издание, Салтыков-Щедрин значительно их переработал, изменил некоторые названия (рассказ «Перед выморочностью» стал главой

Салтыков-Щедрин стал получать восторженные отзывы сразу после выхода «Семейного суда». Тургенев особенно оценил образы Арины Петровны и Степана Владимировича и, вероятно, одним из первых натолкнул автора на мысль написать «крупный роман с группировкой характеров и событий, с руководящей мыслью и широким исполнением». Соредактор Некрасова и Салтыкова-Щедрина по «Отечественным запискам» Григорий Елисеев тоже похвалил рассказ, но признался, что предпочитает «статьи, которые соприкасаются с вопросами и

явлениями текущего времени». Критики «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Русского мира» увидели в истории Головлёвых обращение к «временам покойного крепостного права» и вылазку «в область невозвратно прошедшего времени» и интерпретировали новую вещь Салтыкова-Щедрина как отказ работать с современными проблемами. На анахроничность сюжета для литературы середины 1870-х указывал и публицист-народник Александр Скабичевский: «Это бытовая повесть и, если хотите, историческая, потому что рисует нам нравы отжившего прошлого». Историю Головлёвых читали не только литераторы, но и другие представители культурной элиты. Ещё после публикации «Семейных итогов» 9 апреля 1876 года коллекционер Павел Третьяков написал художнику Ивану Крамскому о Салтыкове-Щедрине: «До настоящего времени я его считал только прекрасным сатириком и, даже замечая повторение одного и того же, некоторое время не всё читал даже, теперь же после таких типов, как Иудушка и маменька, да и вообще — мастерского рассказа, я его ужасно высоко ставлю и вперёд не пропущу ни одной статьи его».

Осенью 1880 года — через несколько месяцев после выхода книжного издания «Головлёвых» — Николай Куликов поставил по книге спектакль в частном московском театре Анны Бренко. Роль Иудушки исполнил Василий Андреев-Бурлак — один из самых ярких русских актёров последней трети XIX века. С тех пор щедринский роман неоднократно инсценировали: можно вспомнить постановки Евгения Весника и Николая Александровича (Малый театр, 1978), Льва Додина (МХАТ, 1984) и Кирилла Серебренникова (МХТ им. Чехова, 2005) и телеспектакль Юрия Маляцкого (ЛенТВ, 1969).

Структура «Господ Головлёвых», в которой нет привычных глав или частей, а есть рассказы со своими собственными названиями, связана с особенностями написания и публикации книги. Выпуская «Семейный суд» и «По-родственному»,

автор ещё не подозревал, что история Головлёвых разрастётся до размеров романа-хроники. Когда Салтыков-Щедрин решил соединить рассказы в единый текст, он сохранил за каждым из них не только заглавие, но и что-то вроде ведущей темы — и главных героев. Так, например, «Семейный суд» главным образом посвящён Степану Владимировичу и его попыткам вернуться в семью Головлёвых. «Недозволенные семейные радости» — история беременности и родов экономки Евпраксеюшки, любовницы Порфирия Владимировича. «Расчёт» в значительной степени повествует о том, как сложилась судьба Анниньки и Любиньки. Такое устройство книги позволяет читателю следить за конкретными сюжетами и параллельно держать в уме историю целиком — роман кажется не столько дробным, сколько подробным.

Близко знавший Салтыкова-Щедрина врач Николай Белоголовый писал, что по этой книге можно составить довольно убедительное представление об отношениях внутри «дикой и нервной» семьи писателя. Как и у Головлёвых, в доме Салтыковых было принято деление на «постылых» детей и «любимчиков». Исследователи считают мать автора Ольгу Михайловну прямым прототипом Арины Петровны: властная, нетерпимая к непослушанию женщина, она вела дела примерно в том же стиле, что и героиня романа. В свою очередь, отец писателя Евграф Васильевич, по всей видимости, стал прообразом ни на что не влияющего Владимира Михайловича Головлёва, а его набожность и ханжество достались Порфирию Владимировичу.

Ещё один прототип этого героя — брат автора Дмитрий Евграфович, «злой демон» и любитель кляуз, с которым он несколько лет вёл тяжбу о наследстве. По воспоминаниям Авдотьи Панаевой, Салтыков-Щедрин называл брата Иудушкой ещё в 1863 году. 13 ноября 1875 года в несохранившемся письме юристу Алексею Унковскому Салтыков-Щедрин прямо признался, что вывел Дмитрия

Евграфовича в образе лицемера Порфирия Владимировича. Щедриноведы считают, что писатель также спародировал путаную, пустопорожнюю речь своего брата, когда сочинял тирады Иудушки. «Иудушка», «кровопивушка» и «откровенный мальчик» — эти три прозвища ещё в детстве дал Порфирию его старший брат Степан. Всё дело в том, что с ранних лет он научился заискивать перед матерью и влиять на её решения. Арина Петровна с подозрением относилась к своему среднему сыну: она подозревала, что за его наигранной кротостью и лаской может скрываться расчётливая натура, — и оказалась права.

Порфирий Владимирович уверен — окружив себя иконами и бездумно исполняя все обряды, он автоматически обрёл небесных заступников: «А чего мне страшиться? видишь, сколько у меня благодати кругом?» Салтыков-Щедрин доходит до затаённых причин головлёвской религиозности, не имеющих никакого отношения к вере и благочестию: Иудушка «молился не потому, что любил Бога и надеялся посредством молитвы войти в общение с Ним, а потому, что боялся чёрта и надеялся, что Бог избавит его от лукавого». Эта ложь и разрушает героя: в финальной главе он оказывается в одиночестве. Понимание истинного смысла таинств и центрального христианского сюжета — «неслыханная неправда, совершившая кровавый суд над Истиной» — настигнет Порфирия Владимировича только на последней неделе жизни, когда будет уже слишком поздно. «Господа Головлёвы» особенно убедительны в том, что касается пограничных состояний человеческой психики: автор выпукло описывает одичание, утрату интереса к жизни и тягу к саморазрушению — и способен заразить этими настроениями читателя. Салтыков-Щедрин добивается этого несколькими способами. Прежде всего, он часто употребляет слова «смерть», «гибель» и их производные: они встречаются в тексте по меньшей мере сто раз. Во-вторых, на близость смерти намекает сам вид поместья Головлёвых (оно

напоминает Степану Владимировичу гроб) и погода (в последней главе романа писатель сравнивает снежный покров с саваном — белым одеянием, которым накрывают покойников). В-третьих, в романе есть несколько пугающих галлюцинаций: «зловеще-лучезарная» бесконечная пустота, преследующая Степана Владимировича, рой теней, окружающий Павла Владимировича, серые призраки головлёвского рода, которых видит Порфирий Владимирович незадолго до финала. Наконец, особенно мощный эффект производит структура глав. Как правило, история разворачивается от конца к началу: самый яркий пример — «Расчёт», в котором Аннинька сначала приезжает «умирать» к дяде в Головлёво, а уже потом мы узнаём, почему она не смогла добиться успеха в театре. Читатель всё время догоняет героев во времени и пространстве — попутно ловя себя на мысли о том, что их жизненный крах был неизбежен.

Литература

Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы. – М.: Азбука, 2015. – 368 с.

Виноградова Е.А. Искажение христианских семейных ценностей в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»// Православие и русская литература. Сборник научных статей. – Н. Новгород: Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, 2016. – С. 190-194.

Дунаев М.М. Православие и русская литература: В 3-х томах. Том 3. С.274-283.

Ермоленко С.И. «Головлёво – это сама смерть... (Образ «дворянского гнезда» в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»// Филологический класс. – 2003. - №10. – С. 67-75.

Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Глава 6. Петрозаводск, 1995.

Знакомьтесь: М.Е. Салтыков-Щедрин/ П. Барашев, Е. Демина, Г. Прончев. –